

Пролог

Эвангелина, герцогиня Кингстон, вынула из ванночки своего крошечного внука и аккуратно завернула в мягкое белое полотенце. В ее объятиях, пофыркивая, ребенок попытался встать на крепкие ножки, потом потрогал ее лицо и волосы влажными ручками, и Эви умиленно засмеялась.

— Спокойнее, Стивен. — Она вздрогнула, когда малыш вцепился в двойную нитку жемчугов на ее шее. — О, я понимаю, это нельзя было надевать во время твоего купания. Очень большой с...соблазн. — Эви всегда говорила с заиканием, хотя теперь это было почти незаметно, не то что в юности.

— Ваша светлость! — воскликнула молоденькая помощница няни Уна. — Я сама бы вынула господина Стивена из ванночки и подала вам. Он ведь плотный и тяжелый, словно кусок скалы.

— Ничего страшного, — успокоила ее Эви, целуя малыша в розовые щечки и пытаясь отобрать у него ожерелье.

— Ваша светлость, вы так добры, что помогаете мне, когда у няни выходной день. — С величайшей осторожностью служанка забрала у нее мальчугана. — А ведь у вас много своих важных дел.

— Нет н...ничего важнее, чем мои внуки. И мне нравится проводить время в детской. Это напоминает мне годы, когда мои дети были маленькими.

Уна тихо засмеялась, потому что Стивен добрался до ее кружевного чепца.

— Я сейчас припудрю его присыпкой и одену.

— А я пока соберу банные принадлежности.

— Ваша светлость, вам нельзя этим заниматься! —

Помощница явно пыталась соблюсти баланс между категорическим отказом и нижайшей просьбой. — В таком чудесном шелковом платье вам надлежит сидеть в гостиной и читать книгу или заниматься рукоделием. — Когда Эви открыла рот, чтобы возразить, Уна многозначительно добавила: — Няня оторвет мне голову, когда узнает, что я позволила вам купать младенца.

Шах и мат!

Понимая, что няня оторвет головы им обоим, Эви покорно кивнула.

— На мне ведь фартук, — только и сказала она.

С довольной улыбкой служанка вышла из ванной со Стивеном на руках, чтобы отнести его в детскую.

Все так же стоя коленями на коврик перед ванночкой, Эви протянула руку за спину, чтобы распустить завязки фланелевого фартука, и с иронией подумала, что не так-то просто соответствовать представлениям слуг о том, как должна себя вести герцогиня. Они упорно оберегали ее от всего, что требовало усилий бóльших, чем помешивание чая серебряной ложечкой. У нее уже было двое внуков, но она оставалась стройной и пребывала в хорошей форме — могла легко вынуть из ванночки увертливого малыша или побегать наперегонки с детьми по саду. На прошлой неделе она перебралась через каменную ограду, чтобы отыскать улетевшие игрушечные стрелы, и поймала неодобрительный взгляд садовника.

Когда Эви нащупала упрямый узел, до нее донесся звук шагов. И хотя не раздалось никаких других звуков и никто не появился в поле зрения, она узнала эту легкую поступь. Сильные руки отвели ее пальцы и развязали узел одним проворным движением.

Низкое, словно шелковистое, ворчание коснулось чувствительной кожи на затылке.

— Я смотрю, у нас объявилась новая няня. Какая прелесть! — Опытные мужские руки скользнули под свободно повисший фартук, коротким ласкающим движением прошлись от талии до груди. — А у тебя, милашка, роскошный бюст. Не сомневаюсь, ты будешь хорошо себя вести.

Эви закрыла глаза, откинулась назад, устраиваясь между его раздвинутыми бедрами. Мягкие губы, созданные для греха, легкими прикосновениями пропутешествовали вдоль шеи.

— Наверное, нужно предостеречь тебя, — продолжал голос, полный соблазна, — чтобы ты держалась от хозяина как можно дальше. Он ведь известный распутник.

Улыбка тронула ее губы.

— Наслышана. Он настолько порочен, как об этом все судачат?

— Даже хуже. В особенности когда дело касается рыжеволосых девиц. — Он вытащил несколько заколок из ее прически, и на плечо упала длинная прядь. — Бедняжка! Боюсь, он не даст тебе проходу.

Эви непроизвольно вздрогнула от удовольствия, когда он начал целовать ей шею.

— К...как часто мне придется слушаться его?

— Часто, — последовало между поцелуями.

У нее вырвался беспомощный смешок, когда она попыталась развернуться к нему лицом.

Даже после тридцати лет брака сердце у Эви замирало при виде мужа — бывшего лорда Сент-Винсента, а теперь герцога Кингстона. Себастьян превратился в роскошного мужчину, чья внешность одновременно внушала трепет и восхищение. Получив титул герцога десять лет назад, он приумножил качества человека, обладавшего огромной властью. Но встречая взгляд его поразительных светло-голубых глаз, полных огня и льда, никто не

мог отделаться от мысли, что прежде герцог слыл самым беспутным повесой во всей Англии. Он таким и оставался — Эви могла подтвердить это.

Время было благосклонно к Себастьяну. Он оставался красивым мужчиной, стройным и элегантным. Его волосы темного золота теперь слегка серебрились на висках. Лев зимой, которому никто не осмелился бы перейти дорогу. Зрелый возраст добавлял его образу холодной, резкой властности, впечатление человека умудренного и опытного, которого редко, если вообще когда-нибудь, возможно обвести вокруг пальца. Однако если что-то развлекало или трогало Себастьяна, у него на губах появлялась улыбка, сияющая и неотразимая.

— О, это ты! — слегка удивился он, словно не ожидал оказаться на коленях на ванном коврике с женой в объятиях. — А я уже приготовился совратить невинную служаночку. Ты-то ведь у нас крепкий орешек.

— Можешь совратить меня, — с готовностью отозвалась Эви.

Муж улыбнулся. Сияющие глаза обежали ее лицо. Он убрал с него вьющиеся пряди, которые искрились разными оттенками красного, начиная с рубинового и кончая нежным абрикосовым.

— Любовь моя, я пытался сделать это целых тридцать лет. Но, несмотря на мои нескончаемые усилия... — Страстные губы запечатлели поцелуй на шее. — ...У тебя сохранился все тот же невинный взгляд стыдливой девушки, сидящей у стеночки на балу, с которой мы тогда сбежали от родителей. Ты не могла бы постараться выглядеть чуть-чуть более пресыщенной? Лишенной иллюзий? — Себастьян тихо засмеялся, оценив ее попытку, и поцеловал в губы, на этот раз поддразнивая, крепко прижимая к себе, отчего пульс у нее забился чаще.

— Зачем ты искал меня? — ослабев, спросила она, отклонив голову, когда его губы коснулись ее щеки.

— Я только что получил новости о твоём сыне.

— О каком из них?

— О Габриеле. Случился скандал.

— Почему он твой сын, когда ты им доволен, и становится моим, как только сделает что-нибудь дурное? — спросила Эви, пока муж, освободив ее от фартука, начал расстегивать лиф платья.

— Так как я родитель, полный добродетели, — сказал он, — совершенно логично, что вся его безнравственность идет от тебя.

— У т...тебя было именно такое прошлое.

— Разве? — Теперь Себастьян неторопливо ласкал ее. — Так это я безнравственный? Нет, лапушка, этого не может быть. Я уверен, это ты.

— Нет, ты, — решительно заявила супруга. Дыхание участилось, когда его ласки стали более настойчивыми.

— Хм. Этот вопрос нужно разрешить сейчас же. Я отнесу тебя напрямиком в постель.

— Подожди. Расскажи о Габриеле. Скандал имеет какое-то отношение к... этой женщине?

В обществе циркулировали слухи о связи Габриеля с женой американского посла. С самого начала Эви тяготилась таким положением дел и надеялась, что увлечение окажется мимолетным. Минуло два года.

Подняв голову, Себастьян посмотрел на герцогиню и слегка нахмурился:

— Он умудрился скомпрометировать дочку графа, одну из Рейвенелов.

Сдвинув брови, Эви обдумывала услышанное. Имя показалось ей знакомым.

— Мы встречались с этой семьей?

— Меня представляли старому графу, лорду Трениру. Жена у него дама взбалмошная и пустая. Ты однажды виделась с ней на выставке цветов и, кажется, перекинулась парой слов о коллекции орхидей.

— Да, припоминаю. — К сожалению, графиня не понравилась Эви. — У них есть дочь?

— Две дочери. Близнецы. В этом году у них первый сезон. Кажется, твоего сына-идиота застукали в ситуации *in flagrante delicto* с одной из них.

— Он следует по стопам своего отца.

Сделав обиженный вид, Себастьян изящным движением поднялся сам и поднял супругу.

— Его отец никогда не попадал в подобную ситуацию.

— Разве что в ситуацию со мной, — чопорно напомнила она.

Себастьян засмеялся:

— Это правда.

— Что в точности означает *in flagrante delicto*?

— Буквальный перевод — «на месте преступления». — Легко подхватив Эви на руки, он добавил: — Полагаю, доказательств было достаточно.

— Так что насчет с...скандала? А Габриель, и эта де-вушка, и...

— Пусть весь мир подождет, — решительно заявил Себастьян. — Я собираюсь совратить тебя десять тысяч раз. И в этот раз хочу, чтобы ты обратила на меня внимание.

— Да, сэр, — кротко согласилась она и обвила руками шею мужа, пока он нес ее в спальню.

Глава 1

*Лондон, 1876 год
Двумя днями ранее*

Леди Пандора Рейвенел скучала.
Ужасно скучала.

Лондонский сезон тянулся, и не было ему конца. Предстояло вытерпеть четыре месяца балов, суаре, концертов и ужинов до того, как парламент уйдет на каникулы, а знать с семьями займет свои деревенские гнезда. Оставалось еще по меньшей мере шестьдесят ужинов, пятьдесят балов и бог весть сколько суаре.

Она просто не выживет. Безвольно опустив плечи, Пандора откинулась на спинку стула и оглядела заполненный бальный зал. Здесь присутствовали джентльмены, одетые формально — в черное и белое, офицеры в мундирах и парадных сапогах, дамы в шелках и тафте. Зачем они все здесь? Что нового они могли сообщить друг другу после череды балов?

Худший вид одиночества, угрюмо подумала Пандора, — это когда человек находится в центре ликующей толпы, а ему совсем не весело.

Где-то там, среди вальсирующих пар, ее сестра близняшка танцует в объятиях воздыхателя, полного надежд. И хотя Кассандра, как и Пандора, тоже считала сезон времяпрепровождением глупым и праздным, с большей охотой играла в эти игры.

— Почему бы тебе не пройтись по залу, не поболтать с кавалерами? — спросила Кассандра в самом начале вечера. — Это лучше, чем сидеть, забившись в угол.

— Нет, не лучше. По крайней мере когда я сижу в стороне, то могу думать об интересных вещах. Не понимаю, как тебе часами удается выносить это докучливое общество.

— Здесь не все докучливые, — запротестовала Кассандра.

Пандора бросила на нее скептический взгляд:

— Из всех джентльменов, с которыми ты уже познакомилась, есть хотя бы один, с которым тебе захотелось бы увидеться еще раз?

— Пока нет, — призналась Кассандра.

— Для того чтобы встретить единственного, — мрачно заметила Пандора, — придется перезнакомиться со всеми.

Кассандра пожала плечами:

— За разговорами вечер проходит быстрее. Можешь сама убедиться.

К несчастью, Пандора терпеть не могла пустой болтовни. Для нее было невыносимо изображать живейший интерес к какому-нибудь напыщенному невеже, когда он начинал превозносить свои достоинства и успехи. Она не могла набраться терпения, чтобы спокойно выслушать пэра преклонных лет, который подыскивал молоденькую невесту на роль компаньонки и сиделки, или уделить внимание какому-нибудь вдовцу, не терявшему надежды продолжить род. От одной мысли, что кто-то из них может коснуться ее, пусть даже рукой в перчатке, кожа покрывалась мурашками, а необходимость поддерживать с ними беседы еще раз напоминала о том, как ей все это наскучило.

Уставившись в полированный паркет, она пыталась подсчитать, сколько слов можно образовать из слова «скака», но не успела ничего придумать.

— Пандора, — донесся до нее скрипучий голос дамы-патронессы, сопровождавшей их с сестрой на бал. — Почему вы опять обретаетесь в углу? Дайте заглянуть в вашу записную книжку для танцев.

Пандора подняла взгляд на Элеонору, леди Бервик, и неохотно протянула ей маленькую книжечку в форме веера.

Графиня — высокая дама с величественными манерами и прямой спиной — раскрыла украшенную перламутром обложку и бросила стальной взгляд на тонкие костяные странички.

Там не было ни одной записи.

Леди Бервик поджала губы, словно стянула шнурком:

— К этой минуте их нужно было заполнить целиком.

— Я подвернула ногу.

Пандора не решалась поднять глаза на графиню. Отговорка давала возможность посидеть в уголке и при этом не подвергнуться общественному осуждению. В соответствии с этикетом, если леди единожды откажется от приглашения на танец по причине усталости или недомогания, она освобождается от других приглашений до конца вечера.

В недовольном голосе графини слышался лед.

— И это ваш ответ на щедрость лорда Тренира? Все ваши новые дорогие наряды и аксессуары... Почему вы позволили ему потратиться на них, если с самого начала замыслили провалить сезон?

На самом деле Пандора чувствовала свою вину. Ее кузен Девон, лорд Тренир, который принял титул герцога в прошлом году, после смерти ее брата, исключительно по-доброму отнесся к ней и к Кассандре. Он не только одел их к сезону, но также обеспечил каждую приданым, достаточно солидным, чтобы гарантировать интерес подходящего холостяка. Совершенно определенно ее родители, которые умерли несколько лет назад, не проявили бы такой щедрости.

— Я ничего такого не замышляю, — забормотала она. — Просто не предполагала, что будет так трудно.

В особенности танцевать.

Какие-то танцы, как, например, полонез и кадрили, ей вполне удавались, она даже справлялась с галопом,